

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Борис Ихлов

- А я им Гумилева простить не могу, - сказала, вылезая из постели, Светка. Светка, по кличке Медвежонок – аспирантка филологического факультета МГУ середины 80-х, многостаночница, полковая жена, при живом муже перебрала все общежития Главного здания МГУ. При живом муже вышла замуж за москвича – чтобы остаться в столице. Свидетелем на ее свадьбе был один из любовников, аспирантов МГУ. Причислена к лику диссидентов, устроилась преподавать в физико-математическую школу-интернат №18 при МГУ, директором которой был сотрудник КГБ.

Стихи Гумилева, Нарбута мало издавали, что дало повод рассказывать, что они якобы запрещены. Однако сборники их стихов легко было найти в библиотеке им. Ленина, «Россия, кровью умытая» Артема Веселого была переиздана в 1983 году. Сегодня демократы заговорили о Бунине, скромно умалчивая, как писатель и поэт был обескуражен и возмущен грубым немецким досмотром на границе, как тайно слушал радио о наступлении советских войск.

Примитивные эстезующие антисоветчики – это, знаете ли, явление. Благодатная почва для их обильного размножения – уничтожение Сталиным поэта, воевавшего в Гражданскую в Красной армии, Владимира Нарбута, уничтожение в концлагере участника Гражданской, автора «Конармии» Исаака Бабеля, уничтожение большевика, бойца Красной армии Артема Веселого, уничтожение Осипа Мандельштама, смерть Цветаевой, гонения на Платонова, арест по фальшивому обвинению сына Ахматовой.

Еще до перестройки либеральные демократы распространяли мифы об якобы убийстве чекистами Блока, Есенина, Маяковского. Из этого списка выделяется Николай Гумилев. Единственный виновный. В ночь с 25 на 26 августа 1921 года близ Бернгардовки под Петроградом был расстрелян 61 участник «Таганцевского заговора», ставившего целью государственный переворот, в их числе Николай Гумилев.

Таганцевское дело

Два из четырех главных организаторов заговора - Ю. П. Герман и подполковник В. Г. Шведов. Герман убит в перестрелке с погранохраной 30.5.1921 при попытке перехода финской границы, Шведов оказал вооруженное сопротивление при аресте, смертельно ранен во время перестрелки с чекистами в Петрограде 3.8.1921.

Заговор был серьезным, по делу «Петроградской боевой организации» (ПБО) арестовали 833 человека. Из них 96 были сосланы в лагерь, 448 отпущены на свободу.

Владимир Николаевич Таганцев был учёным секретарём Сапропелевого комитета КЕПС РАН. После расстрела его знакомых за участие в конспиративном «Национальном центре» вступил в политическую борьбу.

Таганцев предлагал «сжигать заводы, истреблять жидов, взрывать памятники коммунаров». Из 200 человек, причастных к ПБО, 90% составляли «потомственные дворяне, князья, графы, бароны, почётные граждане, духовенство и бывшие жандармы».

Протокол показаний Таганцева:

«Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей. В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, что оставляет за собой право отказаться от тем, не отвечающих его

далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к Совет. ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать.

В. Таганцев 6.VIII.1921».

Однако позже Таганцев показывает:

«В дополнение к сказанному мною ранее о Гумилеве как о поэте добавляю, что насколько я помню в разговоре с Ю. Германом сказал, что во время активного выступления в Петрограде, которое он предлагал устроить (4 слова подчеркнуты красным карандашом) к восставшей организации присоединится группа интеллигентов в полтора человека. Цифру точно не помню. Гумилев согласился составлять для нашей организации прокламации. Получил он через Шведова В. Г. 200 000 рублей.

Таганцев. 23 авг. 21».

За самого профессора Таганцева просили Горький и академик Н. С. Таганцев, но Ленин отказал.

Разумеется, современные либеральные демократы отрицают факт заговора, к тому же в 2009 году вышла книга политического конъюнктурщика, Георги Миронова, который был главным специалистом прокуратуры, рассматривавшей дело – «Заговор, которого не было». Российская честнейшая демократическая прокуратура признала дело сфабрикованным. В 1992-м все были реабилитированы. Формулировка буквально следующая: «Достоверно установлено, что ПБО, ставившей целью свержение советской власти, как таковой не существовало, она была создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов...»

Показания Таганцева прокуратура забыла. Потому на 2011 год из 253 томов следственного дела исследователям было доступно лишь 3 тома, 250 томов по-прежнему засекречены.

Историки же подтверждают существование именно контрреволюционной организации (см., напр., Щетинов Ю. А. За кулисами Кронштадтского восстания Ч. 1, 2. Вестник Московского университета. Серия 8. История.. 1995. №№ 2, 3. С. 3-15; 22-44; Измозик В. С. Петроградская боевая организация (ПБО) - чекистский миф или реальность? Исторические чтения на Лубянке. 1997-2007 / Ред. совет: Зданович А. А. и др. М.: Кучково поле, 2008. 368 с. С. 140-149. ISBN 5-901679-88-1, ISBN 978-5-901679-88-3)

Доклад агента Б. В. Савинкова в Финляндии, полковника Ю. Эльфенгрена, свидетельствует, что организация Таганцева действительно готовила восстание в Кронштадте, планировал его на конец апреля 1921 г. «Организация эта, - писал Эльвенгрэн, - объединяла (или вернее, координировала) действия многочисленных (мне известно десять), совершенно отдельных самостоятельных групп (организаций), которые, каждая сама по себе, готовились к перевороту».

В письме бывшего члена Госсовета, товарища министра просвещения в 1917 году, кадета Д. Д. Гримма, адресованное П. Н. Врангелю и датированное от октября 1921 года автор пишет: «... Был арестован Таганцев, игравший в последние годы видную роль в уцелевших в Петрограде активистских организациях и связанный, между прочим, с артиллерийским офицером Германом, который служил в финском Генеральном штабе курьером... Герман был убит при переходе финской границы, причём у него были найдены письма и прокламации... и подполковник Шведов, и лейтенант Лебедев попали в Петрограде в засаду и погибли... оба должны были быть не просто курьерами, а руководителями, и заменить их сейчас некем...»

Стоит напомнить, что было уже к 1921 году: зверства белоказаков, Колчака, Булак-Балаховича, интервентов, наступления Врангеля, Юденича, Деникина, Краснова, Шкуро и прочее. Колчак даже своих пособников, эсеров, утопил в Иртыше, в декабрьский мороз.

Например.

«Вы знаете, как рубят «в капусту»? Человеку привязывают руки «по швам» и начинают легкими секущими ударами с потяжкой пластовать человека по бокам, как обычно нарезают колбасу. Сверху от плеч вниз по рукам

и бедрам, и опять сверху вниз. Пока эти пластующие удары идут по рукам, вот уже облетели пальцы. А напарник слева чуть переборщил - надрубил и перерубил руку... С боков свисают кровавые лохмотья - как капуста. Сложность в том, что человек может потерять сознание сразу и - конец потехе. Надо в таком случае подвязывать жертву к перекладине ворот, к какому-нибудь длинному суку, но надо оставить бока открытыми для ударов. Есть другой вариант - когда пленного подвязывают подмышки, и невысоко подвешивают над землёй. Тогда можно слегка крутануть жертву, и нарезать по кругу, уже захватывая спину и грудь. В этом случае, хорошо иметь в качестве объекта человека с пузом. Постепенное надрубание оно, приведёт к медленному выпаданию кишок. Мой отец, сын красного полка, видел, как рубят «в капусту». Он был невольным участником филиала того «Бузулукского мятежа», когда некоторые казачьи части перешли на сторону белых... Он с каким-то комиссаром, чуть ли не помощником Кошелева, ехал на телеге на мешках с деньгами. Это было жалованье бойцов. В Гражданскую платили достаточно много. Сзади ехала телега с пулеметом и остальными деньгами. И человек 6 всадников. Они не знали, что произошло, и когда где-то метрах в пятидесяти группа каких-то казаков на распряженной телеге завозилась с пулеметом, а сзади-поодаль их стала нагонять группа всадников, никто ничего не понял... Очередь из пулемёта вначале сняла пулеметчика охраны, после саданула по всадникам. И тут же подлетела казара. Свистящие взмахи, которые вгоняли клинки на 20-30 см в тела... К телеге где на деньгах сидел отец, подлетел казак с ещё старой мадьярской саблей, с расширяющимся к концу клинком, комиссар еще раньше от недосыпа наглухо вырубился и спал на этих же деньгах. Казак широченным ударом буквально перерубил его пополам, следующий удар предназначался отцу, но лошадь почему-то вздернулась, и сабля лишь слегка скользнула по черепу, ровно посередине головы с темени ко лбу. Это спасло, отец потерял сознание, а кровь создала иллюзию смертельной раны. По станице уже вылавливали и сгоняли к площади перед церковью и школой пленных. Кто-то перевязал его, и он шел в толпе таких же как он неудачников. Они все стояли, ожидая чего-то, когда с боковой улицы на легких рысях вылетела с матом группа всадников, гоня кого-то меж коней нагайками. Один из всадников вылетел вперед, крикнул кому-то из группки командиров: «Видал эту сволочь? - Он Семена подстрелил!» Какие-то крики и команда: «В капусту его...» Человек, видно, знал, что к чему, и с утробным воплем кинулся на кого-то в надежде на быструю смерть, но не дали... «А чем поддержать-то?» - Вопрос... «Тащи оглоблю!» - а тем временем человека связали по стойке смирно. Когда притащили оглоблю, ее использовали, как удочку: задний держал конец, середину положили на плечо крепкого казака, а на конце уже была привязана петля. Но за шею нельзя - человек, повиснув на шее, потеряет сознание - весь «цимес» насмарку. «Тащи штык!» - и штык вогнали в щеку, проткнули насквозь, в другую щеку, и за него вокруг головы зацепили петлю «удочки». Тот, кому кричали о каком-то Семене, выхватил шашку и подал знак рукой кому-то, кто встал уже слева сзади, и начали четко и резко-легко пластовать живого человека «в капусту»... После уже на паперть вышел с попом какой-то старик казак и задвинул речугу, в конце которой, как после рассказали отцу, всех приговорили к «суду народа». В переводе на русский намечалось изуверское шоу, вроде оргии садистов. Пленников загнали в амбар. Но кто-то не хотел ждать, и раза два пьяное казачье выводило по три - по четыре жертвы. После чего слышались жуткие животные вопли. После отец видел, как те кто были не шибко религиозные, сбивались в кучки и из того, что было (у босых и раздетых), делали что-то похожее на веревки и помогали друг другу вздернуться на случайно оказавшемся выступающем из стены каком-то бруске. Это была какая-то вялая жуткая очередь. Кто-то садился на корточки, на него забирался «счастливчик» и нижнему: «Уходи, штоль.» Тот откатывался, и все молча ждали, когда человек переставал дергаться. Кстати, знаете ли вы, что когда человек вешается, у него расслабляется кишечник и мочевой пузырь?.. А после ведь надо было снять тело, а это без скамейки не просто, но утро-то близко... Хотя большинство усталых, раненых, избитых (а уж вытянуть нагайкой пленного - за милую душу) пассивно ждали. Случилось, как в кино, хотя таких эпизодов было много. Ночной прорыв своих, и когда на околице началась плотная пальба и гроханье гранат... Командир, старший друг отца, ворвался в амбар и вывел его на улицу, на площадь, куда уже сгоняли казачье. И горе было тому, в ком узнавали палачей. Вывели старого (в авторитете) казака, чей сын, оказывается, и перерубил комиссара, и полоснул по голове отца. Тому дали пинка под дых, и когда он осел, за волосы дернув, поставили на четвереньки. Отцу дали шашку: «Мсти, Жорка!» Отец рубанул по шее, но только надрубил мышцы,- слабость и рана не стимулятор. Командир свистнул саблей, и голова хлопнулась вниз раньше тела... К басмачам в плен не сдавались, но и в плен не брали. Их звали «зверье», не за природную тупость азиатов, а за садизм» (А. Г. Купцов, фрагмент из книги «Миф о красном терроре»).

Творчество

Что же за человек был Николай Гумилев, выступивший на стороне Колчака?

В ранних стихах – конечно же, не декаданс конца XIX века, когда Апухтин писал:

Я так измучен, оглушен

Всей жизнью, дикой и нестройной.

С. А. Андреевский даже объявил о конце поэзии.

Может быть, строки стихов диктовала эпоха упадка? Ничуть. Конец XIX века в России – это заря капитализма, рост промышленности, а с ней и пролетариата, и стачечного движения. Упадок – это как раз настроения литературной публики, они докатятся и до прозы Чехова, о «Чайке» которого Горький писал: «... реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». Не России упадок, упадок дворянства.

Но как только – как только грянет 1905 год, Блок пишет:

Узнаю тебя, жизнь, принимаю,
И приветствую звоном щита!

Гумилев – из дворянской семьи, дворянство гибнет, однако ранний Гумилев – это апология сильной личности, конкистадора. Гимназистом подражал декаденту Надсону, первое предпочтение – младосимволисты, учителя – Иннокентий Анненский, переведший трагедии Еврипида, и Брюсов. Брюсов не в восторге от первого сборника «Путь конкистадора».

По свидетельствам современников – самоуверен, неуступчив, держится свысока, надменно. Анненский о Гумилеве: «Не любит театра... ничего сознательно не стилизует, хотя сам и стилизованный – но так чутко и даже набожно начинает относиться к словам, что будто бы пережитое, всамделишное всё больше походит на бутафорское».

Вместе с Ахматовой и Городецким Гумилев – основатель акмеизма, в противовес символизму – проповедующего предметность, конкретность, вещественность образов. Акмэ – вершина, без ложной скромности. Символисты же, группировавшиеся вокруг Вячеслава Иванова, обожали таинственность, недосказанность, символ, намек. К символистам напрасно причисляют Блока, он недолго побыл в этом собрании. Хотя уже в 1920-м писал: «Всякое слово традиционно, оно многозначно, символично, оно имеет глубокие корни».

Иванов уезжает за границу, кружок символистов в упадке, возникает акмеизм, однако в 1913 году уже без Иванова и в противовес акмеистам возникает новый кружок символистов. И Гумилев становится его участником, снова причисляет себя к противоположным символистам! Группу же акмеистов – уже после гибели Гумилева – возглавляет Георгий Иванов. Не декадент, но противоположность раннему Гумилеву:

Я не любим никем! Пустая осень!
Нагие ветки средь лимонной мглы...

...

Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь отраженьем – в потерянном мире.

В 1922 году Георгий Иванов эмигрирует в Германию.

В 1909 году предлагает поэтессе Елизавете Дмитриевой руку и сердце, Дмитриева отказывается. Кто не знает склок внутри богемы! Гумилев дурно отзывается о Дмитриевой, Максимилиан Волошин вызывает его на дуэль, его пистолет дважды дает осечку, Гумилев стреляет в воздух.

Знакомство с Ахматовой меняет мир Гумилева, меняется и строка. Гумилев пишет о ней проникновенные стихи, но... «Скоро после рождения Левы мы молча дали друг другу полную свободу...» (имеется в виду сын, будущий историк и этнограф).

В 1913 году Гумилев отправляется в Африку, в Абиссинию, привозит оттуда богатейшую коллекцию. Ахматова, разбирая письменный стол мужа, находит письмо одной из его «муз». Когда Гумилев возвращается из экспедиции, Ахматова передает ему найденные письма от актрисы Ольги Высотской. В 1917-м влюбляется в Елену дю Буше и посвящает ей целый поэтический сборник.

В 1918-м сразу после развода с Гумилевым Ахматова выходит замуж за востоковеда и отчасти поэта Владимира Шилейко.

Гумилев, в свою очередь, женится на дочери историка и литературоведа Анне Энгельгардт.

С начала империалистической бойни за передел мира Гумилев отправляется добровольцем на фронт. Награжден тремя Георгиевскими крестами. Понимание приходит далеко не сразу:

И год второй к концу склоняется.
Но также реют знамена.
И также буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Был командирован военным ведомством в Париж и Лондон, после Октябрьской революции вернулся в Петроград, работал вместе с Горьким, Блоком, Корнеем Чуковским в издательстве «Всемирная литература», читал лекции в литературных студиях.

Разлом

Социалистическое движение трудно игнорировать даже поэтам, в статье «Поэзия Бодлера» Гумилев пишет:

«Девятнадцатый век, так усердно унижавшийся и унижаемый, был по преимуществу героическим веком. Забывший Бога и забытый Богом человек привязался к единственному, что ему осталось, к земле, и она потребовала от него не только любви, но и действия. Во всех областях творчества наступил необыкновенный подъем. Люди точно вспомнили, как мало еще они сделали, и приступили к работе лихорадочно и в то же время планомерно. Таблица элементов Менделеева явилась только запоздалым символом этой работы. - «Что еще не открыто?» - наперебой спрашивали исследователи, как когда-то рыцари спрашивали о чудовищах и злодеях, и наперебой бросались всюду, где оставалась хоть малейшая возможность творчества. Появился целый ряд новых наук, прежние получили неожиданное направление. Леса и пустыни Африки, Азии и Америки открыли свои вековые тайны путешественникам, и кучки смельчаков, как в шестнадцатом веке, захватывали огромные экзотические царства. В недрах европейского общества Лассалем и Марксом была открыта новая мощная взрывчатая сила - пролетариат. В литературе три великие течения, романтизм, реализм и символизм, заняли место наряду с веками царившим классицизмом».

Кущее понимание Гумилевым рабочего движения ограничивается не просто XIX веком, но даже двумя фамилиями, а кущее понимание науки не смогло вместить гигантского, ломающего традиционные представления прорыва в самом начале века двадцатого. Не говоря уже о том, что Азия, Африка и Америка были исследованы задолго до XIX века. Поэтому символизм Гумилев уравнивал с реализмом, поэтому человек у Гумилева – увы, забыл бога.

Цитата из статьи Татьяны Альбрехт, посвященной Гумилеву:

«Взгляд Николая Степановича на искусство чем-то близок к эллинскому понятию «золотого сечения» и меры. Замечательно это выражено в статье 1913 года «Некоторые течения в современной русской поэзии»: «Метод приближения имеет большое значение в математике, но к искусству он неприменим. Бесконечное приближение квадрата через восьмиугольник, шестнадцатиугольник и т. д. к кругу мыслимо математически, но никак не *artis mente*. Искусство знает только квадрат, только круг. Искусство есть состояние равновесия прежде всего. Искусство есть прочность. Символизм принципиально пренебрег этими законами искусства. Символизм старался использовать текучесть слова... Теории Потебни устанавливают с несомненностью подвижность всего мыслимого за словом и за сочетаниями слов; один и тот же образ не только для разных людей, но и для одного и того же человека в разное время - значит разное. Символисты сознательно поставили себе целью пользоваться, главным образом, этой текучестью, усиливать ее всеми мерами, и тем самым нарушили царственную прерогативу искусства - быть спокойным во всех положениях и при всяких методах. Заставляя слова вступать в соединения не в одной плоскости, а в непредвидимо разных, символисты строили словесный монумент не по законам веса, но мечтали удержать его одними проволоками «соответствий». Они любили облекаться в тогу непонятности; это они сказали, что поэт не понимает сам себя, что, вообще, понимаемое искусство есть пошлость... Но непонятность их была проще, чем они думали. За этой бедой шла горшая. Что могло поставить преграды вторжению символа в любую область мысли, если бесконечная значимость составляла его неотъемлемый признак?»

Стало быть, в искусстве Николай Гумилев знал только квадрат, только круг и состояние равновесия. Вообще-то взгляд на что-либо никак не может быть близким к сечению, у автора проблемы с русским языком. Тем более, что в высказывании Гумилева ничего подобного нет даже близко.

Еще цитата:

«А понимание поэзии, по-моему, лучше всего выражено в одной из поздних статей «Читатель»: «Поэзия и религия — две стороны одной и той же монеты. И та и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим. Этика приспособляет человека к жизни в обществе, эстетика стремится увеличить его способность наслаждаться. Руководство же в перерождении человека в высший тип принадлежит религии и поэзии. Религия обращается к коллективу. Для ее целей, будь то построение небесного Иерусалима, повсеместное прославление Аллаха, очищение материи в Нирване, необходимы совместные усилия, своего рода работа полипов, образующая коралловый риф. Поэзия всегда обращается к личности. Даже там, где поэт говорит с толпой, — он говорит отдельно с каждым из толпы. От личности поэзия требует того же, чего религия от коллектива. Во-первых, признания своей единственности и всемогущества, во-вторых, усовершенствования своей природы»»

То есть, мракобесие и обскурантизм Николай Гумилев почитал духовной работой.

«Я ведь создал джиннов и людей только чтобы они мне поклонялись» (Коран, 51:56). Может быть, у кого-то были иллюзии, для чего живет человек? Напрасно!

Зинаида Гиппиус даже писала, что «молитва – естественное состояние человека».

В стихотворении «Фра Беато Анджелико», входящем итальянский цикл, Гумилев формулирует:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Как Маяковский понимал поэзию? Как служение классу. Для Маяковского, «подавившегося Вселенной», поэзия обращена к миру, к людям, к ИХ переживаниям. Именно поэтому его поэму «Человек» Марина Цветаева, Андрей Белый слушали, молитвенно сложив руки:

Идет. Пришла. Раскуталась.
Лучи везде. Скребут они.
Запели петли утло,
И тихо входят будни
С их шелухою сутолок.

Гумилев говорит о боге, но понимает поэзию нарциссически:

«Поэзия для человека — один из способов выражения своей личности и проявляется при посредстве слова, единственного орудия, удовлетворяющего ее потребностям».

Иные ждут от общества поклонения красотам собственной личности. Гумилеву же и общества не нужно. Зачем проблемы, зачем народ, сиди себе, самовыражайся.

То есть, Гумилев принимает искусство в духе субъективного идеализма, как солипсист.

Но дело обстоит еще хуже.

В статье «Жизнь стиха» Гумилев утверждает:

«Чистота — это подавленная чувственность, и она прекрасна, отсутствие же чувственности пугает, как новая неслыханная форма разврата.

Нет! возникает эра эстетического пуританизма, великих требований к поэту, как творцу, к мысли или слову — как материалу искусства. Поэт должен возложить на себя вериги трудных форм (вспомним гекзаметры Гомера, терцины и сонеты Данте, старо-шотландские строфы поэм Байрона) или форм обычных, но доведенных в своем развитии до пределов возможного (ямбы Пушкина), должен, но только во славу своего Бога, которого он обязан иметь. Иначе он будет простым гимнастом».

Маяковский переворачивал с головы на ноги: эпоха революции требует новый форм.

Идеализм есть порождение рабовладельческого, феодального, буржуазного менталитета, идеалистическое понимание истории отвергает бунт, восстание, революцию, социальное творчество масс. Возвышающийся над толпой индивидуум предстает абсолютом, демиургом истории.

В статье «Наследие символизма и акмеизм» Гумилев пишет:

«Для нас иерархия в мире явлений — только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления братья. Мы не решились бы заставить атом поклоняться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье и наша трагедия — ежечасно угадывать то, чем будет следующий час для нас, для нашего дела, для всего мира, и торопить его приближение. И как высшая награда, ни на миг не останавливая нашего внимания, грезится нам образ последнего часа, который не наступит никогда. Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним — открытая дверь. Здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней. Здесь индивидуализм в высшем своем напряжении творит общественность. Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога. Здесь смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей, и во вдохновении игры мы презираем трусливое заглядывание — что же будет дальше? Как адамысты, мы немного лесные звери и, во всяком случае, не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению».

Гумилев, называя Маркса, ничего не понял, Маркс не просто «открыл» пролетариат, он доказал, что история человечества не есть история царей, не есть история возвышенных демиургов, она есть история борьбы классов.

В ходе творческой эволюции мировоззрение Гумилева менялось до противоположного.

Рассуждая о декадансе и ренессансе как о двух путях искусства, в одной из ранних критических статей о декадансе и ренессансе «По поводу "салона" Маковского», опубликованной в 6-м номере журнала Театр Литературно-художественного общества за 1909 год поэт возражает себе позднему:

«Искусство является отражением жизни страны, суммой ее достижений и прозрений, но не этических, а эстетических».

И даже в свои 24 года, в статье «Жизнь стиха», высмеивая защитников искусства для искусства и сопоставляя с защитниками искусства для народа, он праву быть самоценным предпочитает право «более высокое» - служить народу.

Помним посыл Окуджавы, огромное влияние на которого оказала московская либеральная интеллигенция:

Каждый слышит, как он дышит,
Каждый пишет, как он слышит,
Не стараясь угодить,
Так природа захотела,
Почему? Не наше дело,
Для чего — не нам судить.

Посмотрите, как смачно, по-ленински, Гумилев выписывает катехизис современных российских поэтов:

«Им (тем, кто за искусство для народа, Б. И.) возражают защитники искусства для искусства: «Подите прочь, какое дело поэту мирному до вас... душе противны вы, как гробы, для вашей глупости и злобы имели вы до сей поры бичи, темницы, топоры, довольны с вас, рабов безумных...» Для нас, Принцев Песни, жизнь только средство для полета... Чеканим ли мы свои стихи, как кубки, или пишем неясные, словно пьяные, песенки, мы всегда и прежде всего свободны и не желаем быть полезными».

О поэзии как способе самовыражения в статье «Читатель» Гумилев напишет позже, в 1919-м, после революции.

Почему такая перемена?

Статью «Партийная организация и партийная литература» Ленин написал еще в 1905 году.

18.3.1918 принято Постановление СНК о закрытии буржуазных газет.

Гумилев не мог не вспомнить статью своего учителя Брюсова «Свобода слова» того же 1905 года, где Брюсов возражает Ленину.

Свобода слова – и всё? Отнюдь. Гумилев выступает на стороне «своих», не принявший революцию, Брюсова, Северянина, Бунина, своей поэтической касты, которую Евтушенко, еще не перестроившийся в демократы Евтушенко писал:

Вам, кто руки не подал Блоку,

Затеяв пакостную склоку

Вокруг «Двенадцати»...

...

Упал! – заквакало болото,

Не видя подвига полета...

В салоне Гиппиус был траур

Весьма попахивавший травлей:

Продался! Свой среди хамья!

И вместе с липким чмоком в щеку:

«А я руки не подал Блоку...»

И гордый писк: «И я... и я...»

...

И в снах всех угнетенных наций

Идут те самые Двенадцать...

Если бы дело ограничилось кругом своих. Гумилев выступил одновременно и на стороне умирающего феодализма, и на стороне интервентов, и на стороне класса буржуа. Он сам вышел на тропу войны – и нечего смотреть исподлобья!

Понимание

Вернемся к статье «По поводу «салона» Маковского». Несмотря на верную посылку, Гумилев сужает искусства до «эстетических прозрений», далее он пишет:

«Оно отвечает на вопрос, не как жить хорошо, а как жить прекрасно».

Что такое «прекрасно», с чьей точки зрения прекрасно, с точки зрения рабочего, буржуа, школьного учителя или «духовного пастыря», Гумилев не поясняет, ибо уже здесь заложен солипсизм.

«Прежде, чем в стихах, поэзия должна воплотиться в самом поэте и превратить его жизнь в произведение искусства» - учит нас Гумилев. И мы знаем его последователей, «художников», прибывающих в знак протеста мошонку к мостовой.

Татьяна Альбрехт сетует:

«После жестокого подавления Кронштадтского восстания, после «поезда смерти» с обреченными матросами, который они с Николаем Оцупом встретили однажды ночью на пустынных петроградских улицах, вряд ли у него оставались какие-либо иллюзии относительно режима и его «правосудия». Николай Степанович знал, что делает, и не искал спасения... эта насыщенная красивая жизнь была оборвана так жестоко и трагически в самом расцвете сил и таланта».

На самом деле Кронштадтское восстание случилось после того, как Гумилев стал участником заговора. Как поезд мог попасть на пустынные петроградские улицы», неясно. Но т.н. поезда смерти – это не вина большевиков, а заслуга белогвардейцев, см., напр., воспоминания пассажира «поезда смерти» К. П. Серова, члена РКПб с 1919 года, «Поезд смерти» в издании «Боевое прошлое: Воспоминания».

Куйбышев, 1958. – С. 79-101. «Творились эти зверства в разное время, в разных странах, но делались они одной рукой, рукой буржуазных палачей», - резюмирует Серов.

Стало быть, Гумилев красиво встал на сторону кровавого Колчака.

Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад...

«Заблудившийся трамвай»... Заблудившаяся либеральная интеллигенция.
В стихотворении «Стокгольм» поэт пишет о себе:

И я понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен.

Альбрехт называет Гумилева «солнечным» сравнивает с «солнечным» Пушкиным. Но Пушкин-то был атеист.

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим,
- писал Пушкин.

Ничего солнечного, Маковский, наоборот, пишет о трагичности иных стихов Гумилева. Солнечность Гумилева – это восприятие школьницы, сдавшей ЕГЭ.

Николай Гумилев оставил за собой единственное право,

... несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

Сквозь всё мракобесие, сквозь всю реакционность и весь нарциссизм прорываются пронзительные строки:

Я думал, я верил, и свет мне предстал, наконец!
Создав, навсегда отпустил меня року создатель.
Я продан, я больше не божий, ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель...

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой висит и приветно звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А смуглая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без молеб и слов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

Октябрь 2020